
ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

А. Ю. НАГОРНОВА, Е. Е. ВАГИНА

ПРИЗРЕНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, В РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

В статье предпринимается попытка сквозного изложения и исторического анализа формирования института призрения и социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в России с момента зарождения ее государственности до середины XX в. Рассматриваются основные общинные практики социального призрения детей-сирот в сообществах, формирующих русскую государственность, а также переход к христианской концепции помощи, в основе которой лежит философия деятельной любви к ближнему. Дается характеристика социальной помощи детям-сиротам в Древнерусском государстве, а также соответствующих учреждений в дореволюционной России, в том числе богаделен, сиротских домов, воспитательных домов и приютов. Рассматриваются основы социального обеспечения и законодательство по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в первой половине XX в. в СССР. Проводится анализ форм устройства детей-сирот после 1917 г. – детских домов, патронатных семей, школ-интернатов для детей-сирот.

Ключевые слова: дети-сироты, социальное призрение, социальная защита, дореволюционная Россия, социальное обеспечение.

На протяжении всей человеческой цивилизации существовала проблема призрения и социальной защиты детей, оставшихся без

попечения родителей. Перемены, происходящие в развитии общества, изменяли направление и подходы к помощи данной категории нуждающихся.

Традиция заботы о слабых и немощных была заложена еще в период язычества. Поддержка наименее защищенных членов общности, каковыми являлись старики, женщины, дети, осуществлялась еще в древнейших славянских и русских общинах.

В дохристианской Руси дети и старики относились к одной социовозрастной группе. Типология «старых и малых» в некоторых случаях определялась по признаку «сиротства» (явление, когда субъект оставался без попечения близких родственников). В словаре В. И. Даля сиротство трактуется более широко, чем принято ныне (Даль 1998: 3478). Сирота – это беспомощный, одинокий, бедный, бесприютный, а также субъект, не имеющий ни отца, ни матери. Понятие «сиротство» идентифицировали не только с институтом детства, оно имело иные, антропоморфные смыслы и распространялось на другие виды проблем, такие как хозяйство, деятельность, статус, социальная роль (Там же).

Совпадение характеристик, определяющих положение «старых и малых», тем не менее, как считает М. В. Фирсов, не дает основания говорить об адекватных формах помощи и поддержки (Фирсов 1999: 21). Самые ранние формы «института детского сиротства» связаны с формами домашнего рабства, вырвавшегося из обычая, по которому захваченные в плен взрослые мужчины умерщвлялись, а женщины и дети адаптировались племенем победителей и входили в одну из его семей. Это являлось своеобразным институтом защиты и сохранения жизни ребенку.

Общность постепенно формировала и другие институты поддержки сирот в пределах своего родового, общинного пространства. Первоначально это были чисто экономические мотивы. Так, еще на стадии первобытной коммуны возникли связи между членами разных общин – дарообмен. Дар представлял собой переход вещей из собственности одного субъекта в собственность другого и обязательно предполагал отдаривание. Такая экономическая система дара и отдаривания хорошо просматривается в мотивах усыновления внутри родовой общины и появления института «приймачества» у южных славян. «Приимать» в семью сироту, как правило,

могли люди пожилые, когда им становилось уже трудно справляться с хозяйством или когда они не имели наследников. Принятый в семью должен был вести хозяйство, почитать своих новых родителей, а также обязан был их похоронить (Фирсов 1999: 21).

Другая форма поддержки сироты – общинная, мирская помощь. Она по своему характеру совпадала с помощью «неможным старикам», когда ребенок переходил из дома в дом на кормление. Сироте могли также назначать «общественных» родителей, которые брали его на свой прокорм. Однако если сирота имел хозяйство, община противодействовала усыновлению. Такие сироты назывались «выхованцами», «годованцами» (Даль 1998: 21).

Первый случай опеки над ребенком, упоминавшийся в летописи, относится к 879 г. После смерти родителей опекунами становились те ближайшие родственники, которые в роде занимали место умерших.

В X–XIII вв. происходит изменение парадигмы помощи и поддержки нуждающихся. Это связано с изменением социально-экономической и социокультурной ситуации. Развитие феодальных отношений, интересы единства страны потребовали реформирования языческих представлений Древней Руси, принятия общей религии. В 988 г. христианство в православном варианте признается официальной государственной религией. С принятием христианства появляется и особая организация – церковь.

Именно с этого времени начинает формироваться христианская концепция помощи, в основе которой лежит философия деятельной любви к ближнему: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя».

Основными объектами помощи становятся больные, нищие, вдовы, сироты. Хрестоматийные собрания текстов по древнейшей российской истории включают немало примеров внимания власти к этому вопросу. Так, Великий князь Владимир поручил в 996 г. общественное призрение, куда входила и помощь сиротам, попечению и надзору духовенства. Заботился он о прокормлении сирот и сам, раздавая убогим, странникам, сиротам щедрую милостыню. Великий князь Ярослав учредил сиротское училище, где призревал и обучал своим иждивением 300 юношей. Призрение бедных и страждущих, в том числе и детей, рассматривал как одну из главнейших обязанностей и Владимир Мономах, призывая в «Поуче-

нии чадам своим»: «Всего же паче убогих не забывайте, но елико могуще по силе кормите, снабдите сироту». Андрей Боголюбский приказывал своим дружинникам развозить по улицам и дорогам своего княжества жизненные припасы, дабы раздавать их бедным и особо нуждающимся (Свердлов 2001: 14). Таким образом, как считает И. И. Осипова, поддержка детей-сирот стала важной составной частью отечественной модели социальной помощи, одной из нравственных норм национального сознания (Осипова 2006: 70).

Забота об осиротевших детях претворялась в жизнь по-разному. Они нередко попадали в монастыри, где их воспитывали, кормили и одевали. В то время даже существовало такое понятие, как «монастырские детеныши», в число которых попадали также осиротевшие бедные и разоренные боярские дети, у «которых отцы и матери “посечены”». А в некоторых монастырях, например в Кирилло-Белозерском, существовали детские приюты «под именем голышны». Дети находились под присмотром специально приставленного к ним старца. Монастырь брал этих сирот «на корм», одевал их, по мере их взросления «приспосабливал» к различным работам. «Малые робята, которые работают в поварне, рыбу чистят». Подростков переводили на более ответственные работы (в повара). Трудились несовершеннолетние воспитанники монастыря и «на пашне». Осиротевших детей брали и в зажиточный дом, где благочестивые отцы семейств их воспитывали и обучали какому-нибудь занятию, а по достижении совершеннолетия отпускали, что называлось «благословлять в мир» (Нечаева 2000: 89).

С X по XVII вв. на Руси исторически сложились несколько «классов» детей, выпадающих из системы детско-родительских отношений: внебрачные дети, дети-сироты, нищенствующие. Самой распространенной формой личной благотворительности в то время была милостыня. Духовенство строило богадельни, госпитали, училища для мальчиков и девочек. Еще в XVII в. монахи опускали за стены монастырей специальные сплетенные корзины для того, чтобы бедные, несчастные, страдающие матери могли положить туда свое дитя, которое они не в состоянии спасти от голода и нищеты.

В храмах, при приходах, хранились «всемирные коробки», куда складывались все церковные деньги и выдавались ссуды нуждаю-

щимся прихожанам, иногда безвозмездно. Приходы были сплочены, все знали друг друга, поэтому приходская благотворительность действительно учитывала нужды людей. На церковные деньги строились дома для содержания сирот.

В Судебнике 1550 г. впервые ставится вопрос о правомерности призрения лиц, не являющихся «клиентами церкви». Согласно церковному законодательству, под защиту церковной власти попадали «женщины, дети, престарелые, родители, рабы» (Фирсов 1999: 57).

В царствование Иоанна IV в круг задач государственного правления, осуществляемого с помощью приказов, входило и призрение бедных и страждущих, к которым относились дети-сироты. В начале XVII в. на раннем этапе Смуты Борис Годунов особенно заботился о вдовах и сиротах без различия их подданства и вероисповедания. Он «не щадил никаких средств и ежедневно раздавал в Москве огромные деньги бедным» (Загоровский 1909: 103). Предпринятые Годуновым меры экономического порядка включали в себя и бесплатную передачу бедным, вдовам, сиротам привезенного из отдаленных районов большого количества хлеба. Чрезвычайные меры по оказанию помощи населению, в том числе и детям, страдающим от голода, предпринимал также Василий Шуйский. Помощь бедным по-прежнему была делом не одних только частных лиц, но и правительственной власти.

В середине XVII в. при царе Алексее Михайловиче получила свое дальнейшее развитие идея постепенного сосредоточения призрения в руках гражданской власти. В это время были созданы приказы, специально занимавшиеся призрением бедных и сирот. А патриарх Никон получил от царя право принимать от них прошения и по ним делать представления царю. По указу царя Алексея Михайловича в 1650 г. была перепечатана Кормчая книга, включавшая в себя все существовавшие до того времени правила православной церкви относительно сирот (Нечаева 2000: 90).

В 1682 г. был подготовлен проект указа, согласно которому из общего числа нищих выделялись нищие безродные дети. Здесь же впервые ставился вопрос об открытии для них специальных домов с целью обучения их грамоте и ремеслам, наукам, которые «зело и во всяких случаях нужны и потребны» (Довгалева 1948: 35). Именно этим проектом завершается эпоха, в которой зародилась

идея государственного призрения. Теперь на место полного «нищелюбия», благотворительности исключительно ради спасения души без соотнесения проблем призрения с задачами государства, выдвигалась новая идея, в основе которой лежали «нужды государства и забота о пользе населения» (Нечаева 2000: 90).

Что же касается попечения о детях-сиротах с помощью специальных детских учреждений, то этот вид помощи берет свое начало в 1706 г., когда Новгородский митрополит Иов построил по собственной инициативе и за собственные средства в Холмово-Успенском монастыре «сиропитательницу» для «ззорных» младенцев, а также в самом Новгороде основал затем еще десять таких заведений, где воспитывалось до трех тысяч детей. Из заведений дети поступали в устроенные Иовом школы полудуховного характера, после чего становились кто церковнослужителями, а кто служилыми или посадскими людьми. Тем самым он положил начало истории детских сиротских заведений.

Нехваткой рабочих рук объяснялось отношение к ребенку-сироте как к будущему работнику. Государство отдавало беспризорных детей как частным лицам, так и церковным учреждениям, позволяя им пользоваться бесплатным трудом своих воспитанников. Такое закабаление было наиболее примитивной формой заботы общества и государства о малолетних, оставшихся без семьи (подобно тому как ранее заботилась о них община). Что же касается самих частных лиц, то они охотно брали на воспитание сироту, чтобы потом закабалить его навсегда. А оставшийся без родителей ребенок «бил челом во двор к лицу, согласившемуся взять его к себе», чем обеспечивал свое пропитание. Что же касается устройства осиротевших детей в семью, то две его основные формы – усыновление и опека – продолжали существовать в прежнем виде. Новых законодательных актов на этот счет не было, за исключением одного предписания, запрещавшего усыновлять своих незаконных детей. Но опека постепенно начинает подвергаться более детальному правовому регулированию. Более четко обозначенным становится круг возможных опекунов, куда могут входить отчим, ближайшие родственники ребенка. Появилась также опека по назначению органами, обладающими властными полномочиями. Это прежде всего церковь, поскольку духовенство в те времена полностью распоря-

жалось семейными, наследственными и опекунскими делами. Однако родственники продолжали следить за опекунами. И постепенно чисто нравственная обязанность опекуна возвращать имущество опекаемому к моменту достижения им полной самостоятельности превращается в юридическую. Из безотчетного и полновластного распорядителя опекун превращается в представителя интересов опекаемого (Нечаева 2000: 91).

Петр I существенно изменил отношение к детям, в том числе и к сиротам. Опеке как форме устройства ребенка в семью проводимые реформы уделяли достаточное внимание. Петр I повелевал призрывать сирот, «без призрения после родительства оставшихся подкидышей или явленных таких, которых воспитывать – мужского пола до 7 лет, а потом посылать в школы определенные, а женского пола – обучать грамоте и разному мастерству...» (Загоровский 1909: 105). Что же касается непосредственно опеки как формы устройства ребенка в семью, то на этот счет появилось следующее указание: магистраты (а не церковь) обязаны смотреть, чтобы сироты не оставались без опекунов; их назначение и наблюдение за ними также поручалось магистратам. Это можно считать первым установлением *опеки как особого государственного учреждения с властью, контролирующей деятельность опекунов*.

Петр I своим указом от 4 ноября 1715 г. предписал устраивать и в Москве, и в других городах гошпитали «для зазорных младенцев, которых жены и девки рожают беззаконно и стыда ради отметывают в разные места, от чего иные младенцы безгодно помирают, а иные от тех же, кои рожают, и умерщвляются». И «чтобы зазорных младенцев в непристойные места не отметывали, но приносили бы к вышеозначенным гошпиталиям и клали потайно в окно через какое закрытие, дабы приносимых лиц не было видно». Эти гошпитали существовали обычно около церковных оград (Нечаева 2000: 92).

В то время в России, как и в Европе, практиковался так называемый «тайный прием», позволявший оставаться неизвестным лицу, подкинувшему ребенка. Это давало возможность не оставлять его брошенным вовсе. Что касается источников существования сиропитательного гошпиталя, то ими были частично городские доходы, а частично средства, образующиеся из пожертвований частных лиц

и церкви. Последние, согласно Указу Святого Синода от 29 июня 1723 г., шли из «церковного кошелькового сбора», а также выделялись из прибыли от продажи свечей.

Не исключал Петр I и иной помощи церкви, монастырей. В годы его царствования, как и в прежние времена, детей-сирот передавали в богадельни, где наряду со взрослыми содержались безродные, бездомные дети. А, например, в Москве для воспитания детей-сирот был «назначен» Новодевичий монастырь.

Таким образом, в XVIII в. воспитание детей, молодых людей считалось полезным, необходимым для государства делом, важно было дать им образование и просвещение. Что же касается крестьянских детей, то их всякий крестьянин должен был «в великом страхе содержать, ни до какой праздности не допускать и всегда принуждать к работе, дабы он в том взял привычку и, смотря отца своего неусыпные труды, себя к тому приучать мог» (цит. по: Нечаева 2000: 92).

При Екатерине II возникло новшество, имеющее прямое отношение к положению детей. Если раньше незаконнорожденные подкидыши закрепощались путем их закрепления за воспитателями, то теперь они стали поступать до совершеннолетия в Ведомство приказов общественных учреждений, после чего становились вольными. За владельцами закреплялись только незаконнорожденные дети крепостных матерей.

При каждом городском магистрате учреждался городской сиротский суд. На «всякого города главу» возлагалась обязанность уведомлять городской сиротский суд о вдовах и осиротевших малолетних детях «всякого звания городских жителей».

Екатерина II предписывает также устраивать осиротевших детей в семьи. В Указе «Учреждения для управления губерний» говорилось: «Если же устройство сиротских домов будет неудобно или потребует издержек, кои отнимут способы к оказанию призрения большому числу сирот, то Приказ неимущих сирот отдаст за умеренную плату надежным добродетельным и добронравным людям для содержания и воспитания с обязательством, чтобы предоставить их во всякое время Приказу». Ребенок передается воспитателям, «дабы научился науке или промыслу, или ремеслу, и добрым гражданином быть».

При Екатерине II стали создаваться и специальные учреждения для оставшихся без семьи, брошенных детей. Она издает 1 сентября 1763 г. Манифест «Об учреждении в Москве воспитательного дома с особым гошпиталем для неимущих родильниц». Такому дому предстояло стать учреждением государственным. На его постройку был объявлен сбор пожертвований, всюду были разосланы воззвания, которые надлежало зачитывать «во всех церквах». В этих же воззваниях был призыв устраивать самостоятельные «сиропитательницы» или приюты. Цель создания воспитательных домов сводилась к тому, чтобы истребить злодейства, воспитывать детей с выгодой и пользой, уменьшить нищенство.

На постройку Воспитательного дома сама Екатерина II в разное время пожертвовала 1 млн рублей. В пользу этого дома шли крупные штрафы, которые императрица накладывала на своих сановников. Источником на содержание были также ежегодные доходы от основанного впервые в России ломбарда. Через 7 месяцев после опубликования Манифеста (21 октября 1764 г.) состоялась торжественная закладка здания Московского Воспитательного дома. В память о дне закладки была выбита медаль, где с одной стороны был изображен портрет Екатерины II, а с другой – две фигуры: Вера и Человеколюбие, поднимающие ребенка, с надписью вокруг: «И вы живы будете. 1763, 1 сентября». А в марте 1770 г. было разрешено открыть Воспитательный дом в Петербурге. Первоначально он являлся отделением Московского дома и финансировался как на средства от казны, так и за счет благотворительности (Нечаева 2000: 94).

Манифест Екатерины II призывает также создавать «сиропитательницы» и в других городах. Вскоре по частной инициативе различных благотворителей открылись «сиропитательницы» в Новгороде, Воронеже, Оренбурге и других городах.

Открытие Московского Воспитательного дома состоялось 21 апреля 1764 г. В нем надлежало создать совершенно «новую породу людей», детей-граждан, способных служить отечеству делами рук своих в различных искусствах и ремеслах. Вот почему так много внимания уделялось процессу воспитания находящихся там детей.

Оба воспитательных дома имели своеобразный статус. Они рассматривались как самостоятельное ведомство, имели собствен-

ную юрисдикцию, освобождались от пошлин при заключении контрактов, могли самостоятельно покупать деревни, дома, земли, заводить фабрики, заводы, получать четвертую часть доходов от театров, общественных балов и всякого рода игр на деньги.

При Екатерине II укрепились и административно-правовые основы воспитательных домов и приютов для «осиротелых» детей. Все они, кроме Московского и Петербургского, передавались в ведение Приказов общественного призрения. Однако среди поступающих в дома детей смертность была чрезвычайно высокой. Так, за четыре года существования Московского Воспитательного дома из принятых 3147 детей умерло больше 82 %. Поэтому пришлось переходить к другой форме их устройства: раздаче на воспитание в деревенские семьи за плату (2 рубля в месяц). Сначала в деревню отправляли ребенка на время, пока ему не исполнилось 9 месяцев, потом – на 5–7 лет. После этого детям предстояло вернуться в Воспитательный дом. Позже ради создания в его стенах необходимых условий для существования воспитанников установили допустимую численность детей (500 человек). Остальные дети продолжали оставаться в деревенских семьях, откуда мальчики по достижении 17 лет зачислялись в разряд казенных крестьян, им давали участок земли и необходимый инвентарь. А девочек обычно выдавали замуж.

Что же касается крестьянских детей, оставшихся без родителей, то они поступали на воспитание или родственников, или посторонних людей вместе с наследством. Усыновление же в крестьянском быту случалось только тогда, когда в семье не было прямых наследников.

10 октября 1803 г. появился указ, позволяющий бездетным дворянам усыновлять ближайших законнорожденных родственников через передачу им при жизни фамилии и герба и оставление по смерти в наследство недвижимого имущества.

Кроме опеки и усыновления в России примерно с XIX в. начали вводиться патронат и патронаж, то есть «помещение беспризорных детей, больных и других лиц, нуждающихся в заботливом домашнем уходе, в частные семьи».

Появляется понятие патроната для «падших, но которые не утратили силу воли», который включал заботу о здоровье ребенка, начальном образовании и развитии его способности к труду как ис-

точнику самообеспечения в будущей жизни. Эти требования были не всегда реальными для выполнения в тех семьях, которые брали детей. Семье, принявшей к себе на патронат ребенка, выплачивалось разное по размерам пособие: 5 рублей (заметная по тем временам помощь) на маленького ребенка, так как он ничем по хозяйству не помогал, и гораздо меньше – на старших, так как они могли помогать по хозяйству, а значит, зарабатывать деньги. Постепенно к 14 годам выплаты прекращались. Тогда детей брали в основном бедные сельские семьи, для которых патронат был обычным «народным промыслом». Чтобы облегчить положение ребенка, переданного на патронат, организовывался надзор за выполнением воспитателем своих обязанностей (Нечаева 2000: 98).

Видом патроната стала совокупность мер материальной помощи нравственно опустившимся, в частности освобожденным из мест заключения лицам, проституткам и т. д., с целью обеспечения им перехода к честной трудовой жизни. Этот вид патроната содержал в себе лишь зачатки патроната как вида помощи детям-сиротам. Для помощи сиротам возник патронаж, то есть «помещение беспризорных детей, больных и других лиц, нуждающихся в заботливом домашнем уходе, в частные семьи». Именно он был связан с благотворительностью по отношению к детям, с их призреванием. Патронаж в России подразумевал передачу ребенка-сироты в семью для вскармливания. Для таких семей существовали четкие требования: содержать ребенка так, чтобы по возможности обеспечивать его здоровье и чтобы он получил начальное образование, был приспособлен к какому-либо труду, способному служить ему источником обеспечения будущей жизни.

Чтобы облегчить положение ребенка, переданного на патронаж, организовывался надзор за выполнением воспитателем своих обязанностей. С этой целью местности, где были взяты дети, делились на округа, которые вверялись надзору врачей или иного персонала, хотя бы с начальным медицинским образованием. В некоторых округах вместо постоянно живущего в округе «заведующего» устанавливалась объездная система, при которой командированное лицо, обыкновенно врач, делал периодические объезды своих питомцев.

Развитие патроната как формы покровительства освобожденным из мест заключения начинается главным образом во второй половине XVIII в. Именно в это время в Санкт-Петербурге решаются открыть Рабочий дом для выходящих из тюрьмы, а также больницы для малолетних, не обученных ремеслам и «вообще для павших, но не утративших чувство стыда и доброй воли». Вначале подобного рода учреждения были результатом частной инициативы. Постепенно и государство начинает принимать участие в судьбе освобождающихся из мест заключения, попавших в приюты малолетних преступников. Закон от 5 декабря 1866 г. предписывал: «Выпущенные из приюта несовершеннолетние должны состоять в течение определенного срока под покровительством приюта, который обязан оказывать им возможное содействие в деле устройства их будущности».

Для достижения такой цели, как опека детей-сирот, попавших в приют, Московское благотворительное общество, например, стремилось «приискать» воспитаннику занятие соответственно его полу, «летам», способностям и силам. Для этого он помещался в учебное или промышленное заведение, если невозможно было сразу же после выхода из приюта найти для него подходящее дело.

В начале XIX в., как и ранее, предметом государственной заботы оставалось устройство осиротевших бездомных детей в различного рода учреждения, заведения. Но уже предпринимались попытки поиска путей оказания помощи нуждающимся матерям. Так, Павел I издал Указ о выдаче пособия бедной матери, которая не могла воспитывать детей собственными средствами. Но желающих получить это пособие появилось такое множество, что пришлось прибегнуть к сокращению расходов. Поэтому императрица Мария Федоровна, в чьем ведении находилась помощь детям-сиротам, распорядилась выдавать это пособие каждый раз с ее разрешения. Это требование оказалось настолько трудновыполнимым, что выплата пособий таким матерям вовсе прекратилась. Что касается устройства детей, пополняющих ряды сирот, то с 1807 г. появляется так называемое «городское воспитание». Заключалось оно в предоставлении матери возможности за определенную плату воспитывать своих детей дома до достижения ими 7-летнего возраста. Примерно в это же время предпринимаются попытки уничтожения

системы тайного приноса детей в приюты. Теперь главным ориентиром в определении судьбы воспитанника стала передача его в крестьянскую семью для подготовки «сельского сословия». Поэтому в 1828 г. принимается закон, воспрещающий дальнейшее строительство воспитательных домов в губерниях, тем более что смертность в них по-прежнему составляла 75 % и более. А в 1837 г. правительственный указ обязывает всех без исключения младенцев, приносимых в воспитательный дом, приюты, отсылать в деревню «с воспрещением обратного их поступления в это заведение» (Нечаева 2000: 98). Этот указ, ориентирующий на воспитание брошенных детей исключительно в деревнях, имел своей целью удерживать родителей от передачи своего ребенка в воспитательный дом.

Несмотря на запреты, детские учреждения, предназначенные для осиротевших детей, все-таки продолжали появляться. Но теперь они возникали главным образом за счет частной благотворительности. Их создателями становились преимущественно церкви, монастыри. Так, выдающийся священнослужитель XIX в. Иоанн Кронштадтский создал Дом трудолюбия при приходском попечительстве Андреевского собора, сам преподавал в гимназии и был очень внимательным к детям. На базе Дома трудолюбия была создана целая система благотворительных учреждений или институтов, в число которых входило и убежище для сирот.

Первый светский приют был открыт в России в 1837 г. при Демидовском доме призрения трудящихся для дневного надзора за детьми, которых оставляли матери, идущие на заработки.

Со временем количество таких приютов стало увеличиваться. Поэтому для руководства над ними в 1838 г. создается Комитет главного попечительства, а в 1839 г. разрабатывается «Положение о детских приютах». К этому времени постепенно на смену «тайному приему» приходит так называемый «явный». Для него характерно предъявление при устройстве документов матери и ребенка, установление действительной материальной несостоятельности женщины. Ей часто оказывалась такая поддержка, которая снимала проблему устройства ее ребенка. В противном случае нередко мать принималась в приют вместе с ребенком и служила в нем кормилицей. Со временем, когда она уходила из него со своим ребенком, ей продолжали выплачивать на него пособие, например 30 копеек

в день в течение первого года, 20 копеек в сутки на втором году жизни ребенка, затем выдача пособия прекращалась.

Во второй половине XIX в. государство стало перекладывать устройство сирот на организации, в ведении которых находились отдельные группы населения. Когда, например, речь шла о детях, просящих милостыню, вопрос рассматривал Николаевский комитет. Он разбирал данное дело «по состоянию» этих детей. Детей помещичьих крестьян под расписку отдавали помещикам, детей государственных крестьян вручали местному старосте, солдатских детей препровождали в роту кантонистов и т. д. Если неизвестно было, чей это ребенок, его записывали в мещанское сословие.

В конце XIX в. на государственное призрение могли претендовать: круглые сироты – дети, утратившие обоих родителей вследствие их смерти; дети сырые и убогие (инвалиды); внебрачные дети, матери которых нуждались в помощи в воспитании ребенка; временно все младенцы (законные – не старше 10 месяцев), матери которых вследствие болезни, при отсутствии личных средств нуждались во временной отдаче ребенка; подкидыши, доставленные полицией (Осипова 2006: 71).

Вся деятельность по устройству осиротевшего ребенка в детское учреждение определенным образом регламентировалась. Для Московского и Санкт-Петербургского Воспитательных домов существовали, например, с 18 декабря 1890 г. временные правила о приеме младенцев. В 1894 г. они были заменены правилами постоянными, действовавшими до октября 1917 г.

Учреждения, занимающиеся призрением осиротевших детей, отличались разнообразием форм и видов. Так, в 1872 г. в Москве организуется общество охраны детей, просящих милостыню. В 1889 г. в Москве появляется первое общество защиты детей, объектом внимания которого становятся и дети-сироты (Бахрушин 1916: 3). Возникает специализация разных обществ: «Общество защиты детей от жестокого обращения», «Детские ясли», «Общество спасения падших девушек», «Капля молока» и др.

После революции 1917 г., когда советская республика столкнулась с массовым сиротством и беспризорностью, основной формой устройства стали государственные детские дома. Все дети признавались детьми государства и находились под его защитой. В те го-

ды шли активные поиски форм устройства осиротевших детей, хотя эти поиски не выходили за рамки интернатного учреждения: детские коммуны, городки, трудовые колонии, пионердома.

Однако к середине 1930-х гг. все формы устройства детей-сирот были сведены к одной – детским домам. В 1945 г. было создано более 650 детских домов для детей, которые в войну потеряли родителей. В детских домах по СССР находилось более 600 тысяч детей, а в России – 400 тысяч детей.

В годы Великой Отечественной войны был возрожден институт опеки и патроната, который был отменен в первые годы советской власти. В 1936 г. вновь появился термин «патронат», который напрямую связан с принятием ВЦИК и СНК РСФСР постановления «О порядке передачи детей на воспитание (патронат) в семьи трудящихся». Институт опеки и патронатной семьи активно развивался в годы Великой Отечественной войны. В 1942 г. на патронате находилось 37 490 детей. Только по официальным данным в России в конце войны насчитывалось 678 тысяч детей, оставшихся без родителей. Из них 278 тысяч (41 %) находились в семьях, заменивших родительскую. В 1943 г. был принят специальный Приказ Наркомпроса о передаче сирот рабочим и колхозникам на патронат по договору, с выплатой зарплат и пособий детям.

7 мая 1948 г. Управлением лечебно-профилактической помощи детям Министерства здравоохранения СССР были утверждены «Указания о порядке передачи детей на воспитание в семьи трудящихся», которые предписывали:

– на воспитание в семьи трудящихся (патронат) передаются дети-сироты, а также дети, изъятые из семьи по постановлению суда или органов опеки;

– дети передаются на патронат в семьи, где условия жизни ребенка могут быть хорошими и за его здоровьем и воспитанием будет установлено систематическое наблюдение со стороны органов здравоохранения;

– органами здравоохранения на патронат отдаются дети в возрасте от 5 месяцев. В отдельных случаях могут быть переданы дети с 3 месяцев при условии, если воспитательница может обеспечить ребенку вскармливание грудным молоком.

За два десятилетия после окончания Великой Отечественной войны внедрение этой формы позволило повсеместно закрыть большие детские дома. Воспитание в семье оказалось намного выгоднее экономически и больше отвечало потребностям детей (Осипова 2006: 72).

В 1960-х гг. по личному распоряжению Н. С. Хрущева профессиональная замещающая семья прекратила свое существование как форма решения проблемы сиротства в нашей стране. С 1960 г. стали активно внедряться школы-интернаты для детей-сирот. Многие школьные детские дома были преобразованы в школы-интернаты.

Как показывает исторический анализ состояния проблемы призрения и социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, социальную работу с данной категорией часто отождествляли с социальной опекой и попечительством (Нагорнова, Вагина 2013: 540–546; Нагорнова 2012а: 65–79; 2012б: 5–14). Превращение же детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в отдельный объект деятельности работников социальных служб положительно отразилось не только на расширении круга задач социальной работы, но и на введении ее новых направлений.

Литература

Бахрушин, С. 1916. *Организация попечения о беспризорных детях в Москве*. М.

Даль, В. И. 1998. *Толковый словарь живого великорусского языка*. М.: Цитадель.

Довгалева, А. И. 1948. *Семейное воспитание приемных детей*. М.

Загоровский, А. И. 1909. *Курс семейного права*. Одесса: Тип. акционерного Южно-русского общества печатного дела.

Нагорнова, А. Ю., Вагина, Е. Е. 2013. Современные технологии социально-психологической работы с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей. В: Нагорнова, А. Ю. (отв. ред.), *Категория «социального» в современной педагогике и психологии: материалы научно-практической конференции (заочной) с международным участием, 19–20 декабря 2013 г.* (с. 540–546). Ульяновск: SIMJET.

Нагорнова, А. Ю.

2012а. *Основы теории и технологии социальной работы*. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing.

2012б. *Технологии социальной работы в здравоохранении*. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing.

Нечаева, А. М. 2000. *Россия и ее дети (ребенок, закон, государство)*. М.: ИГПАН.

Осипова, И. И. 2006. Замещающая семья в России. *Психологическая наука и образование* 2: 70–81.

Свердлов, А. З. 2001. *Курс лекций по социальной работе и благотворительности*. Ч. I. СПб.: СПбГУ культуры и искусств.

Фирсов, М. В. 1999. *История социальной работы в России: уч. пособие*. М.: ВЛАДОС.